

Коллектив авторов

Всходы

**Из жизни политических
ссылных**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Всходы: Из жизни политических ссыльных / Коллектив авторов – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 49 с.

ISBN 978-5-458-07581-7

ISBN 978-5-458-07581-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Все это были матеріалы для приготовленія снѣди, такъ какъ было очевидно, что гости проголодались, и Жбану предстояло произвести великое „кормленіе звѣрей“, выражаясь на мѣстномъ жаргонѣ.

— А что, бабъ нѣтъ?—спросилъ голосъ изъ ямы, когда выгрузка припасовъ была окончена.

— Да ну, вылѣзай!—пастаивалъ лысый. — Никого нѣтъ! Вотъ сюда пришли, хотягь знакомиться!..

— Ну, такъ поддержи бревно! — сказалъ голосъ.

Самодѣльная лѣстница имѣла способность перевертываться въ самыя неподходящіе моменты и безъ посторонней поддержки часто оборачивала свои ступеньки къ стѣнѣ при первой попыткѣ занести на нее ногу.

Человѣкъ съ лысиной нагнулся и сталъ держать бревно. Черезъ нѣсколько секундъ надъ ямой появилась громадная голова съ всклокоченной бурой гривой и совершенно необъятной бородой нѣсколько болѣе свѣтлаго цвѣта. И грива, и борода были обильно пересыпаны большими и маленькими кусочками глины и черезъ все лицо тянулись слѣды запачканныхъ пальцевъ, вытиравшихъ потъ.

— Давай руку, Мармошка!—сказалъ Жбанъ человѣку съ лысиной и съ помощью пріятеля выбрался-таки на свѣтъ Божій.

Одежда его состояла изъ грубой холщевой рубахи и валяныхъ отпковъ и отъ всего его крѣпкаго полубоженнаго, заросшаго волосами тѣла валилъ паръ, какъ отъ убѣгавшей лошади. Яма была погребомъ и онъ ревностно углублялъ ее, намѣреваясь запустить туда деревянный срубъ. Несмотря на мерзлую землю, окружавшую ея внизу со всѣхъ сторонъ, работа лопатой и кайлой развивала такое тепло, что одежда являлась только лишнимъ стѣсненіемъ.

Молодые люди у порога съ любопытствомъ смотрѣли на эту необычайную фигуру. Лохматый Жбанъ былъ съ ногъ до головы весь засыпанъ землей и смахивалъ на Вія.

— Ну, давайте знакомиться!—сказалъ онъ, въ свою очередь разсматривая гостей. — Я—Жбановичъ Валерій.

— Въ просторѣчїи Жбанъ!—докончилъ человѣкъ съ лы-

синой, объясняя кличку. Его собственная фамилія была Мармольскій, а въ сокращеніи его называли Мармошка.

— Ты бы одѣлся, Валь!—прибавилъ онъ.

— Какъ я одѣнусь? — возразилъ Жбанъ, разсматривая свои испачканныя ноги.—Выкупаться надо!

Но все-таки онъ привелъ свой туалетъ въ большій порядокъ и даже въ видѣ окончательной уступки взялъ съ полки амбара большой кафтанъ сѣраго сукна и накинулъ на свою мокрую спину.

— Ну, знакомъ! — снова сказалъ онъ, обращаясь къ Мармольскому и указывая глазами на гостей.

— Беспаловъ, Носовъ, Зубцовъ, Сапоговъ, Припасовъ, Янесъ,—сталъ перечислять Мармольскій подрядъ.

Это была группа молодыхъ, недавно только прибывшихъ изъ Россіи, политическихъ ссыльныхъ общаго покроя и довольно тожественнаго вида. Всѣ они были въ большихъ сапогахъ и темныхъ рубахахъ—косовороткахъ, подпоясанныхъ узкими ремешками. Ихъ молодыя безбородыя лица были блѣдны и носили слѣды долговременнаго пребыванія въ спертой атмосферѣ, но во всѣхъ глазахъ свѣтились искры веселаго возбужденія. Янесъ поверхъ косоворотки былъ одѣтъ въ старый студенческой мундиръ и, въ отличіе отъ товарищей, лицо его слегка обростало тонкими, черными волосами; но и въ его глазахъ мелькали тѣ же возбужденныя искры. Можно было подумать, что эти молодые люди только-что удрали какую-то особенную, еще небывалую штуку и не могутъ опомниться отъ ощущенія внезапно прихлынувшей удали.

Жбановичъ улыбнулся.

— Носовъ, Припасовъ, Зубцовъ, Сапоговъ!.. — повторилъ онъ.

— А тамъ кто?—прибавилъ онъ, показывая на высокую фигуру, возвышавшуюся сзади на пьедесталѣ изъ набросанной глины.

— Это Фокинъ!—сказалъ Носовъ, тоже улыбаясь въ отвѣтъ.

— Всѣ они попались по одному дѣлу!..

Жбанъ надѣлъ кафтанъ въ рукава, запахнулъ его и подвязался веревкой.

— Сколько всѣхъ?—спросилъ онъ, что-то соображая.

— Десятокъ!—отвѣтилъ Мармошка.—Еще есть старники. Полтавскій возится съ лошадыю, а Куляпка и Рязановъ сидятъ съ Марылькой.

Жбанъ самодовольно улыбнулся. Марылька была его маленькая дочка, родившаяся три мѣсяца тому назадъ и составившая настоящій центръ усадьбы Погорѣльцевъ, принадлежавшей ея отцу.

— А Маруся гдѣ?

Этимъ именемъ, въ отличіе отъ дочки, онъ называлъ свою жену.

— Ставить самовары, — сказалъ Мармошка — и разводите огонь...

— Ну, тащите!—сказалъ Жбановичъ, кивая головой гостямъ на припасы, разложенные по землѣ, и подхватывая кадку,

— А потомъ пойдемъ по воду!

Изъ-за другой стороны амбара вышелъ еще одинъ человекъ, одѣтый въ синюю блузу и со штанами на выпускъ. Онъ былъ постарше другихъ, и его лицо на щекахъ было покрыто клочками жидкой бороды, похожей на прѣлую солому. Глаза у него были сѣрые и злые; губы такъ плотно сжаты, какъ будто онъ опасался выпустить наружу какое-то слово, засѣвшее у него во рту.

Онъ нехотя подошелъ къ Жбану и протянулъ ему руку.

— Это Спицынъ,—сказалъ Мармольскій, игравшій роль церемоніймейстера.—Спица!—прибавилъ онъ—и очень острая.

Спицынъ презрительно улыбнулся и не сказалъ ни слова.

Погребъ находился среди большого двора, заросшаго травой и огороженнаго плетнемъ. На противоположномъ концѣ малорослый худощавый человекъ, одѣтый въ сѣрую нанку, возился со старой бѣлой лошадыю, освобождая ее отъ узды.

Несмотря на свое долготѣнее пребываніе на лонѣ природы, Полтавскій не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, обращаться съ конской упряжью и поэтому на его долю роковымъ образомъ постоянно выпадало выпрягать и запрягать.

Жбановичъ и его гости прошли черезъ калитку на передній дворъ, простирившійся передъ входомъ въ жилую избу. Слѣва отъ избы былъ сдѣланъ густой навѣсъ изъ сосенъ, обтѣканнхъ широкимъ полукругомъ, и въ тѣни его поставленъ большой, грубо сколоченный столъ, окруженный такими же скамейками. Это было любимое лѣтнее мѣстечко Жбановича и его жены, такъ какъ солнце не проникало сквозь навѣсъ и отъ сосенъ струился здоровый смолистый ароматъ.

Погорѣльцы стояли на холмѣ, откуда открывался красивый видъ на окружающее луговое пространство, перемежавшееся темнозелеными островками лѣса. Вдали темнѣла довольно крутая гряда холмовъ, замыкавшая горизонтъ. Но вся эта красота не искупала довольно чувствительнаго неудобства. Рѣчка Горѣлая протекала не ближе, чѣмъ въ полутора верстахъ, и для каждаго ушата проточной воды нужно было совершить трехверстное путешествіе, считая въ томъ числѣ обратную дорогу.

Правда, подъ холмомъ сзади усадьбы тлнулась цѣпь лужъ, но вода изъ нихъ не годилась даже для бѣлья. Зимой Горѣлая обсыхала и вымерзала, и Погорѣльцы превращались въ настоящую безводную пустыню, такъ какъ за водой приходилось ѣздить уже за пять верстъ. Впрочемъ, Жбановичу ѣздить было не на чемъ: лѣтомъ онъ отправлялся по воду съ ведрами и коромысломъ, а на зиму старался запастись ледъ и съ января просто собиралъ со своихъ обширныхъ дворовъ снѣгъ, замѣнявшій ему воду. Нельзя было удивляться, однако, что другіе жители Погорѣльцевъ съ наступленіемъ холодовъ выселялись, оставляя свои лѣтнія поля со всѣмъ снѣгомъ въ нераздѣльное пользованіе Жбановича.

Усадьба Жбановича состояла изъ трехъ низкихъ бревенчатыхъ связей различной величины, которыя онъ срубилъ въ разное время собственными руками. Въмѣсто крыши торчали конекъ, и только одна сторона была забрана двумя-тремя тонкими дранками. Это было тоже затѣей Жбана, но затѣей, которой никогда не суждено было осуществиться, такъ какъ

теперь онъ утверждалъ, что его потолки не протекають и ни въ какой крышѣ не нуждаются.

Тощая бѣлая сука, лежавшая у стола, увидѣвъ Жбана, вскочила и радостно бросилась ему подъ ноги.

— Веста!—громко крикнулъ хозяинъ.—На мѣсто!

Собака описала большой кругъ по двору и сдѣлала-было попытку опять подскочить къ хозяину, но одумалась и остановилась у скамьи, безпокойно поглядывая въ его сторону.

Возлѣ навѣса высокая, худошавая женщина возилась надъ старымъ, почернѣвшимъ отъ времени самоваромъ, усердно раздувая его длиннымъ сагогомъ, голенище котораго было надѣто на трубку. Маленькій, свѣтлый, пузатый самоварчикъ бойко попыхивалъ рядомъ, по временамъ выпуская изъ своей трубы цѣлые снопы огня, такъ какъ вмѣсто углей она была наполнена сухими щепками. Но съ большимъ самоваромъ дѣло шло плохо: у него была въ трубѣ небольшая, но очень зловредная дырочка, куда то—и—дѣло попадала вода и тушила разгоравшійся огонь.

На встрѣчу Жбану женщина подняла лицо и улыбнулась. При свѣтѣ этой короткой улыбки, блеснувшей какъ молнія, лицо ея вдругъ показалось молодымъ и прекраснымъ, какъ будто ей опять стало 18 лѣтъ, вмѣсто 35-ти.

— Возьми, Пошехонка! — сказалъ Жбанъ, проходя мимо самоваровъ и направляясь къ избѣ.

Настоящее имя его супруги было Марія Петровна, но она имѣла привилегію быть родомъ изъ Пошехонья, и это областное имя пришло къ ней такъ прочно, что иные изъ знакомыхъ забывали даже ея настоящее имя.

Это была совсѣмъ новая супружеская чета. Оба они прожили лучшую половину своей жизни на холостомъ положеніи въ полномъ одиночествѣ и располагали въ такомъ же видѣ дойти до конца.

Жбанъ былъ дѣйствительно близокъ къ концу, такъ какъ его съѣдала глубокая и мучительная меланхолія, оставшаяся въ его душѣ, какъ осадокъ отъ долгаго мытарства по тюрьмамъ и въ ссылкѣ, и онъ уже насилу волочилъ ноги; но природа разсудила иначе и въ одну рѣшительную минуту пустила

въ ходъ самое простое и могущественное изъ своихъ средствъ. Теперь Жбанъ опять обладалъ медвѣжьей силой и добросовѣстно старался вложить ее въ свою землю, раскапывая ее въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и выводя огородныя гряды изъ земли, которую вынималъ изъ погреба, — а Марья Петровна молодѣла съ каждымъ днемъ.

Оба они до сихъ поръ еще не могли опомниться отъ своего неожиданнаго союза. Жбанъ въ сущности чувствовалъ себя неловко, но Марья Петровна въ своемъ положеніи была, какъ рыба въ водѣ, особенно послѣ того, какъ у нея родился ребенокъ. Ей было только смѣшно и наединѣ она часто дразнила Жбана, напоминая ему различныя подробности его первоначальнаго ухода.

— А Марылька что дѣлаетъ?—спросилъ Жбанъ, входя на низкое крылечко и собираясь открыть дверь.

— Балуетъ Машутка!—отвѣтила Пошеконка пріятнымъ и тягучимъ говоромъ, дѣлая особое удареніе на имени. Каждый изъ супруговъ сгаралъ своимъ племеннымъ патріотизмомъ, и споры изъ-за него были единственной легкой дымкой, омрачавшей ихъ брачный горизонтъ. Они вели жестокія пренія относительно того, къ какой національности принадлежитъ Марылька. Въ послѣднее время, впрочемъ, въ видѣ компромисса за ней стало устанавливаться имя „Славянки“.

Колыбель Марыльки стояла въ задней комнатѣ. Здѣсь было довольно темно, такъ какъ окна отъ свѣта были завѣшены темными дабыными занавѣсками, но очень чисто. Жбанъ еще недавно обилъ всѣ стѣны ивовыми прутиками и општукатурилъ ихъ самымъ добросовѣтнымъ образомъ, а потомъ оклеилъ блестящей новой бумагой. Марья Петровна въ свою очередь почти каждый день мыла полъ. Чистота вообще была ея слабостью, и она доводила ее до педантизма, несмотря на то, что о прислугѣ не было рѣчи, и убирать за ребенкомъ и содержать въ порядкѣ хозяйство приходилось ей самой.

Марылька лежала въ колыбели, но не спала. Занавѣси колыбели были на половину отдернуты, и двое гостей усердно занимались молчаливымъ созерцаніемъ этой маленькой чело-вѣческой куклки въ бѣломъ полотняномъ коконѣ, откуда вы-

глядывало сморщенное красное личико. Куляпка, впрочем, больше разсматривалъ колыбель, такъ какъ она была дѣломъ его рукъ. Онъ былъ столяръ по профессіи и принялъ на себя добровольную обязанность поставять по мѣрѣ надобности для всѣхъ товарищей по ссылкѣ дѣтскія кровати. Въ иные годы ему приходилось дѣлать до шести кроватокъ.

Это былъ маленькій, почти миниатюрный человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, съ бритымъ лицомъ и волосами желѣзнаго цвѣта. Онъ былъ одѣтъ очень чисто; глаза его имѣли такой утомленный видъ, какъ будто ему весь свой вѣкъ пришлось возиться съ книгами, а не съ деревянными стружками.

Зато Рязановъ напряженно созерцалъ малютку, что-то сосредоточенно соображая. Онъ былъ статистикъ по профессіи и призванію, и обыкновенно такія человѣческія единицы, какъ Марылька, представлялись ему только какъ предикатъ къ графѣ, надъ которою было написано: возрастъ до 1-го года,—но крошечное существо, бывшее передъ нимъ въ настоящую минуту, какъ-то не хотѣло уложиться въ соответственную графу и совсѣмъ заслоняло и цифры, и выводы. Въ его душѣ упрямо шевелилось какое-то безпокойное чувство, и онъ все думалъ, даже съ нѣкоторой тревогой, что вотъ Марылька сейчасъ пискнетъ и всѣ въ домѣ засуетятся; прибѣжитъ мать, возьметъ ее на руки, выгонитъ ихъ изъ комнаты и будетъ ее кормить.

Но, вмѣсто матери, въ комнату вошелъ шумно и быстро отецъ.

— Марылька, гугу!—громко окликнулъ онъ дочку, заглядывая въ колыбель.

Дѣвочка перевела къ нему свой смутный, но ничего не выражавшій взглядъ.

Glupia jestés, Марылька! — сказалъ Жбанъ и протянулъ было ей палець, но во время спохватился, замѣтивъ, какъ онъ грязенъ.

Дѣвочка сморщила личико и пискнула. Ей надобно лежать въ полномъ бездѣйствіи и молчаніи.

— Ребенко плачець. Тша накорниць!—сказалъ Куляпка, отрываясь отъ созерцанія колыбели.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ его польскій языкъ постепенно воспринялъ цѣлый рядъ русскихъ словъ и оборотовъ и превратился въ особый жаргонъ, который отказывались признавать своимъ и русскіе, и поляки.

— Пошехонка, иди! Дѣвка плачетъ! — громко позвалъ Жбанъ, явно поддѣлываясь подъ окающій говоръ своей сурруги.

— Гу гу! Марылька!—угѣшалъ онъ дочку своимъ трубнымъ голосомъ, не осмѣливаясь вынуть ее изъ колыбели своими запачканными въ глину руками.

Марья Петровна поспѣшно явилась, взяла дочку на руки и, какъ предвидѣлъ Рязановъ, выгнала мужчину вонъ. Жбанъ взялъ ружье, стоявшее въ углу передней комнаты, и вышелъ да дворъ.

— По во-о-ду!—пропѣлъ онъ, подражая южнымъ водозамъ.—Ребята, по воду!

Веста при видѣ ружья опять сошла съ ума отъ радости и стала кувиркаться въ травѣ, перекаtywаясь съ одного угла двора на другой.

— Веста, дура, тубо!—свирѣно окликнулъ хозяинъ.

Безчинство онъ допускалъ только для людей, а отъ собаки требовалъ, чтобы она вела себя серьезно и пристойно.

Пристыженная Веста улеглась возлѣ стола, дрожа отъ нетерпѣнія и не сводя горящаго взора съ хозяина. Она думала, что онъ собирается на охоту.

Мармольскій, увидѣвъ ружье, сдѣлалъ то же умозаключеніе, что и Веста.

— Ты куда?—спросилъ онъ съ удивленіемъ во взорѣ.

— По воду!—лаконически отвѣтилъ Жбанъ.

— А ружье зачѣмъ?—спросилъ Мармолька.

— Такъ!—угрюмо пробурчалъ Жбанъ.—Не могу я безъ ружья,—неохотно пояснилъ онъ. По лицу его проползло какъ будто облако.

Въ прежніе годы онъ былъ страстнымъ охотникомъ и цѣлыя недѣли проводилъ въ лѣсу. Въ острые періоды челоуѣконеназистическаго настроенія онъ спасался въ зеленой дубравѣ отъ друзей и недруговъ и велъ жизнь настоящаго бро-

дяги, переходя изъ околотка въ околотокъ и забираясь въ такія непроходимыя дебри, гдѣ не протоптала ни одной тропы даже нога лѣсного туземца. Въ послѣдніе годы возрастающая физическая слабость загородила ему дорогу въ лѣсъ, но теперь съ возрожденіемъ своей силы онъ чувствовалъ временами неодолимое стремленіе удрать на зеленые, обросшіе лѣсомъ холмы, которые темнѣли на горизонтѣ. Но домашнее хозяйство съ Марусей во главѣ и Марылькой въ видѣ центрального пункта не отпускало его ни на шагъ, такъ какъ его дѣятельность постоянно требовалась въ томъ или другомъ направленіи.

Разъ въ двѣ недѣли онъ урывалъ вечерокъ для того, чтобы посѣтить городъ, лежавшій въ 8 верстахъ, но въ лѣсу онъ могъ появляться еще рѣже и притомъ на такое короткое время, что нельзя было проникнуть дальше опушки. Онъ нѣсколько утѣшался, проявляя особую заботливость по отношенію къ ружью, чистилъ его при каждомъ удобномъ случаѣ и подъ конецъ сталъ вездѣ носить его съ собою, какъ будто предполагая, что дичь можетъ ему попасться на большой дорогѣ.

Куляпка, увидѣвъ ружье, тоже поддался охотничьей страсти и, подойдя къ телѣгѣ, вытащилъ оттуда старую одностволку, составлявшую его личную собственность. Такъ же, какъ и Жбановичъ, онъ страстно любилъ охоту, но она не платила ему взаимностью, и за всю свою охотничью карьеру онъ могъ похвастаться въ видѣ трофея единственнымъ, довольно тощимъ рябчикомъ, который насмѣшливыми пріятелями былъ превращенъ въ чучело и красовался надъ его кроватью въ городѣ подъ стекляннымъ колпакомъ. Частыя посѣщенія Погорѣльцевъ имѣли предметомъ не столько семью Жбановичей, сколько заманчивый Погорѣльскій лѣсъ, но, къ сожалѣнію, Куляпку нельзя было отпускать одного въ глубину тайги, такъ какъ онъ обладалъ изумительною способностью сбиваться съ дороги и однажды умудрился заблудиться даже въ жидкомъ перелѣскѣ, составлявшемъ часть Погорѣльской поскотины и вдоль и поперекъ истоптанномъ коровами.

— Ты куда? — въ свою очередь спросилъ суровымъ то-

номъ Жбановичъ, увидѣвъ охотничьи доспѣхи своего пріятеля.

— Куропатье попукамъ!—сказалъ Куляпка извиняющимся голосомъ.—По лѣсѣ поброде!..

-- Нечего тамъ *поброде!*—передразнилъ Жбанъ.

Въ разговорахъ съ Куляпкой онъ употреблялъ только русскій языкъ и злился, слыша искаженіе польскихъ словъ.

— Пришелъ въ гости, такъ сиди!—Потомъ всѣ пойдемъ!—прибавилъ онъ въ видѣ утѣшенія.

Куляпка вздохнулъ и покорно положилъ ружье на мѣсто.

Молодые гости приспособляли къ коромысламъ разнообразную водяную посуду, которую Жбановичъ предусмотрительно припасалъ для случаевъ, подобныхъ теперешнему.

— Разувайся, ребята!—предупредилъ Жбановичъ.

Отъ вышеупомянутыхъ ямъ тянулось топкое болото, которое со всѣхъ сторонъ опоясало Погорѣльскій холмъ. На пути къ рѣчкѣ нужно было перебрести эту топкую полосу по колѣно въ грязи, а возвращаясь назадъ послѣ купанья въ проточной водѣ, приходилось въ концѣ концовъ обмывать ноги въ ямѣ, гдѣ стоячая вода имѣла кофейный цвѣтъ и была переполнена полуразложившимися растительными волокнами и всякой нечистью.

— Не сапоги возьмите съ собой!—совѣтсзвалъ Жбанъ.— Тамъ дальше трава ужасно колочая..

Гости повѣсили свои сапоги на коромысла рядомъ съ ушатами.

— А вы что?—спросилъ Жбанъ монументальнаго Фокина, который бережно оставилъ свои сапоги подъ лавкой, на которой разулся.

Фокинъ беззаботно махнулъ рукой.

— Что ваша трава?—сказалъ онъ въ объясненіе.—Мои подошвы шило не возьметъ. Пускай хоть ноги провѣтрятся!..

Дѣйствительно, огромныя лапы Фокина, широко выступавшія изъ короткихъ нанковыхъ штановъ, имѣли такой видъ, какъ будто были обшиты самой крѣпкой кожей.

Янесь, все время наблюдавшій за дѣйствіями Фокина, вдругъ сдернулъ свои сапоги съ коромысла и бросилъ въ сторону.